

Т. В. Топорова

**Культура в зеркале языка:
древнегерманские
двучленные
имена собственные**

**Школа
«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»
Москва 1996**

**ББК 8С
Т34**

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
согласно проекту 95-06-18639*

Топорова Т.В.
Т34 **Язык в зеркале культуры: древнегерманские двучленные имена собственные. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 253с.**
 ISBN 5-88766-024-4

ББК 8С

Книга рассчитана на специалистов в области сравнительного языкознания, а также представляет интерес для лингвистов, занимающихся проблемами типологии.

ISBN 5-88766-024-4

© Т. В. Топорова, 1996

Предисловие

Обращение к ономастике вполне закономерно, поскольку имена собственные (*nomina propria* (*nom.pr.*)) образуют промежуточную сферу, в которой лингвистические и экстралингвистические факторы вступают в наиболее тесные контакты. *Nom.pr.* функционируют в качестве своеобразных культурно-исторических и языковых индексов. Лингвистическая ценность ономастического материала заключается в реализации в данной области архаизмов и инноваций, воплощении важнейших тенденций языкового развития, мощном воздействии на общезыковую систему. О необходимости исследования *nom.pr.* свидетельствует трактовка *nom.pr.* как “зеркала культуры” [Solmsen 1822], отражающего наиболее престижные понятия, особый статус *nom.pr.* в мифопоэтической модели мира, реконструкция этнографических и культурно-исторических реалий на основе *nom.pr.* Возможность взаимного корректирования лингвистических и культурно-исторических данных создает чрезвычайно благоприятные условия для комплексного изучения языка и культуры.

Выбор в качестве объекта исследования двучленных имен собственных вызван, во-первых, тем, что ономастические композиты сохранились лучше, чем простые *nom.pr.*, поскольку они ассоциировались с определенной социальной стратой и служили для обозначения представителей высшей ступени социальной иерархии¹, и, во-вторых, тем, что *nom.pr.* подобной структуры в разных индоевропейских языках отражали типологически сходный культурно-исторический период со свойственным ему развитием так называемой “военной демократии” (с военной дружиной во главе с вождем, определенными видами передвижения (колесницами) и вооружения, славой как наивысшей ценностью и др.).

Целью настоящей монографии является всеобъемлющее описание древнегерманских двучленных имен собствен-

¹ Cp. [Pulgram 1947, 192] “...the names with which we should have to deal above all, and which we should find ... in historical reports, would be the names of the leaders of the nation: the aristocrats, the citizens outstanding ... because of their social affiliation with the upper classes”

ных², их диалектная дифференциация (выделение общегерманских и ареально германских *nom.pr.*), составление ономастического словаря, комбинаторный (учитывающий синтаксическую сочетаемость компонентов *nom.pr.*), морфологический, семантический и поэтический анализ *nom.pr.*, их сопоставление с *nom.pr.* других индоевропейских языков, а также изучение наиболее архаичных *nom.pr.*, зафиксированных в старших рунических надписях, и исследование функционирования *nom.pr.* в эпосе (древнеисландском памятнике "Старшей Эдде")³. Комплексный подход к ономастическому материалу несомненно представит новую информацию о *nom.pr.*, позволит реконструировать целостную картину германской ономастики и установить ее связи с индоевропейскими ономастическими системами.

² Источниками древнегерманских двучленных имен собственных являются следующие работы: 1) по древнегерманским *nom.pr.*: [Werle 1910], [Schönfeld 1911], [Naumann 1912], [Gamilscheg 1934-1938], [Schramm 1957]; 2) по восточногерманским *nom.pr.*: [Bezenberger 1874], [Wackernagel 1874], [Wrede 1895, 1896]; 3) по скандинавским *nom.pr.*: [Kahle 1903], [Jonson 1926], [Wessen 1927], [Knudsen, Kristensen 1936], [Janzen 1947]; 4) по древневерхненемецким *nom.pr.*: [Förstemann 1856], [Abel 1889], [Bruckner 1895], [Schröder 1941], [Gottschald 1942], [Schwarz 1949], [Bach 1952]; 5) по древнесаксонским *nom.pr.*: [Schlaug 1955]; 6) по древнеанглийским *nom.pr.*: [Searle 1897], [Forssner 1916], [Bjorkman 1920], [Feilitzen 1937].

³ Подобные задачи не выдвигались в германских исследованиях ономастики, для которых характерно описание *nom.pr.* в каком-либо древнегерманском языке, сравнительно-исторический анализ *nom.pr.* или изучение различных аспектов *nom.pr.* (в основном морфологии или семантики элементов *nom.pr.*).

Глава I

Имя собственное в мифопоэтической традиции

Ономастика представляет собой хотя и периферийный, но необыкновенно ценный раздел языкознания. Его важность для лингвистических исследований определяется тем, что именно в маргинальных областях сохраняются архаизмы, утраченные в языке в целом, возникают инновации и вырабатываются новые тенденции языкового развития. Кроме того, однообразие и регулярность ономастического материала создают выгодные условия для действия разного рода аналитических процессов, обобщения *nom. gr.* по отдельным признакам и, следовательно, для формирования новых языковых элементов. Сильное воздействие ономастики, в которой ключевую позицию занимают двучленные имена собственные, на языковую систему заключается в интенсивном образовании композитов, состоящих из двух компонентов.

Повышенное внимание исследователей к ономастике обусловлено особым положением имени собственного в языке. Его промежуточный характер очевиден. Связь *nom. gr.* с системой данного языка проявляется в оформлении *nom. gr.* как грамматических и словообразовательных категорий этого языка, реализации в *nom. gr.* лексем этого языка. Вместе с тем *nom. gr.*, конституирующиеся на основе апеллятивов, представляют собой самостоятельную сферу со свойствами ей закономерностями. Показательно, что необходимость выделения *nom. gr.* как особой подсистемы языка осознавалась в глубокой древности (ср. трактовку *nom. gr.* как автономной части речи греческим стоиком Хрисиппом (III в. до н.э.); [Тронский 1936, 26]).

В зависимости от степени взаимодействия ономастики с общезыковой системой выделяются три варианта: 1) *nom. gr.* тождественны апеллятивам, т.е. их грамматические и словообразовательные категории совпадают; 2) ономастика является особой областью языковой системы, получившей гипертрофированное развитие (напр., *nom. gr.* используют ограниченный набор грамматических средств, непродуктивных для апеллятивов и монополизированных для производства *nom. gr.*); 3) *nom. gr.* порывают с общезыковой системой, вступают в противоречие с ней (ср. акцентуационный контраст др.-греч. ἐλπίς и *nom. gr.* Ἐλπίς, особен-

ности употребления определенного артикля при нарицательных существительных и именах собственных во французском языке, различное склонение *nom.pr.* и соответствующего аппеллятива в арабском и т.д. [Курилович 1962]).

В современном демифологизированном обществе имя собственное как член классификационной системы номинации выполняет основную **назывательную** функцию, реализующуюся в двух аспектах: **дистинктивном** (выделяющем индивида из коллектива) и **интеграционном** (объединяющем носителей одного *nom.pr.* в общий класс). Таким образом, в отличие от аппеллятивов, *nom.pr.*, **обозначающие** индивидуальные лица или уникальные предметы, лишены коннотации, “способности привносить определенные признаки” [Есперсен 1958, 70]. Строго говоря, сами по себе *nom.pr.* не имеют никакого значения, т.е. не могут быть определены без обращения к денотату - реальному носителю имени. Следовательно, множество одноименных объектов не обладают никакими совместными свойствами, кроме общего *nom.pr.* Другими словами, имена собственные наглядно демонстрируют ситуацию, при которой код направлен сам на себя (*code referring to code* в терминологии Якобсона [Якобсон 1972, 96]).

Принципиально иное положение сложилось в мифопоэтических традициях. Как известно, основатель функционализма в этнографии Малиновский выдвинул так называемую теорию “нужд” (*needs*), согласно которой все элементы, составляющие культуру архаичного племени (от имени собственного до мифа) возникают как ответ (*answer*) на определенный вопрос, продиктованный настоятельной потребностью [Malinowski 1944]. Исходя из этой концепции, наименование представляет собой не игру или развлечение, а абсолютную необходимость, связанную с глубинной сущностью человека. *Nom.pr.* представляет собой не этикетку, ярлык, а символ, сложным образом соотносимый с природой индивида. Мифологическое осознание *nom.pr.* как внутренней субстанции проявляется в некоторых культурно-исторических традициях, в которых “наречение именем новорожденного принимает форму отгадывания его сущности или ср. возможность понимания первого элемента в индоевропейском слове для имени **p-ten-* как ‘в, внутри’” [Топоров 1980, 510].

Архаическая модель мира предполагает тождество имени и природы его носителя. Идея прямого соответствия имени и денотата, трактовка *nom.pr.* как *alter ego* индиви-

да отражена в брахманической концепции *pāmagura* 'имя и форма'. Используя удачное сравнение Гонды [Gonda 1970, 8], отношения между именем и его носителем можно сопоставить с тенью и человеком, ее отбрасывающим. Отголоски верований в независимое существование имени и его идентичность с называемым объектом прослеживаются и в современном обществе (ср. случаи наречения новорожденного именем умершего родственника, вызванные стремлением вместе с пош.гр. воскресить достоинства покойного).

Установка мифологического сознания на тождество или внутреннюю связь имени и его носителя предполагает первоначальный акт имяположения и образ имядателя, сотворившего вещи и их имена. Подобные представления зафиксированы в ряде мифопоэтических традиций. В соответствии с древнеиндийским мифом (Ригведа X, 71, 2 и X, 82, 3; [Иванов 1984]), вещи получили названия в результате установления имен (*namadhēya*). Ср. также древнеиранские параллели: *Ahurō Mazdāo nāmam dadāi* "Ахура Мазда имена установил"

(У, 38, 4). Ведийскому и древнеиранскому "установителю имен" генетически тождествен древнегреческий ономатет (*ὀνομαθῆτης*), наиболее ранние свидетельства о котором относятся к пифагорейской школе⁴. Старославянские данные также позволяют реконструировать сочетание **jьme dēti* 'называть именем' [Топоров 1980, 510]. Аналогичный пример известен и из древнескандинавской мифологии. В "Младшей Эдде" [1970, 19] повествуется о сыновьях Бора, сотворивших из дерева людей и нарекивших их именами. Показателен и отрывок из "Старшей Эдды": "Тогда пошли боги на троны могущества... ночи и фазам луны название дали, утро нарекли и середину дня" [1963, 9]. О ритуальном характере имяположения и величайшей ответственности, возложенной на установителя имен, можно судить, в частности, по древнегреческим источникам. В некоторых пифагорейских изречениях указывается, что "после числа на втором месте по мудрости находится тот, кто установил имена (*ὁ τὰ ὀνόματα πρῶτασι θεόμενος*)" [Иванов 1964, 88], а в диалоге Платона "Кратил" утверждается, что "устанавливать имена - дело не всякого мужа, но некоего творца имен (*ὀνοματοῦρῶς*)" [389].

⁴ Ср. центральную тему диалога Платона "Кратил" - установление имен.

Важным следствием типичного для мифопоэтического сознания отождествления имени и природы его носителя явилась **креативная функция** называния, сопоставляющая процесс созидания и номинации, согласно которой имя оказывает **активное** воздействие на индивида, формирует его как личность, определяет его судьбу, т.е. оно **первично** по отношению к объекту. Тезоименитство сопоставимо с грамматическими категориями опатива или императива, поскольку имя содержит пожелание или приказание (ср. ст.-слав. *Свѣто-славъ* 'пусть он обладает святой славой' и др.). В архаичном обществе ситуация называния вещей рассматривается как заключительный этап демиургического акта. Изреченное имя материализуется, мгновенно превращаясь в элемент структуры мира⁵. На принципе замены именем его носителя основана словесная магия, при которой через имя оказывают воздействие на его обладателя. Манипулирование именем для достижения практических целей обусловило усиление положительных моментов в пот.рг., нарекание "приятными" именами или, наоборот, называние "плохим, неблагоприятным" именем с тем, чтобы злые духи не причинили вреда его носителю. Мифопоэтическая трактовка называния как акта творения подтверждается и другими данными, ср., напр., переименование при переходе индивида в иной возрастной или социальный класс как перевоплощение, перерождение, представления о необходимости бережного хранения пот.рг., конституирующего сущность субъекта, табуирование "истинного" имени, существование разветвленной системы имен, компенсирующих отсутствие настоящего имени и др..

Дополнительное имя ассоциировалось со счастливой судьбой: "Брахману, обладающему двумя именами, будет сопутствовать успех" (TS 6, 3, 1, 3; [Gonda 1970, 82]), "В то время люди имели по два имени: это приносило счастье и долголетие" (Hauksbók, [Wessen 1927, 78]).

Плюрализм имен в мифопоэтической модели мира был вызван, с одной стороны, необходимостью закодировать

⁵ Ср. Ś B. II, 1, 6, 3: "Prajapati сказал "bhūh": это слово стало землей" [Gonda 1970, 8] или библейские параллели. Ср. также действенность произнесения имени бога при изгнании бесов в христианокой традиции, аналогичное категории делокреативности [Heiler 1961, 315].

подлинное имя и, с другой, стремлением отразить различные аспекты субъекта. Семантически мотивированное и фонетически и морфологически прозрачное имя выполняло определенную коммуникативную задачу, передавало информацию о денотате. Тезис “Младшей Эдды” о том, что “некоторые имена произошли от деяний” [1970, 27] подтверждается многочисленными примерами. Перечисление имен, как правило, сопровождается указанием причин номинации. Ср.: “Одина называют Всеотец, ибо он отец всем богам. И еще зовут его Отцом павших, ибо все, кто пал в бою - его приемные сыновья” [Младшая Эдда 1970, 26]. Некоторые имена отражают мифологические или героические мотивы и сюжеты. Единство имен позволяет установить “номенклатурную и ипостасную преемственность” [Топоров 1979, 149] в мифопоэтической традиции, создать определенную иерархию, отождествить персонажей различных хронологических уровней. Множественность наименований объекта связана также с метафоричностью обозначений и свидетельствует о поэтической природе *nom.pr.*, “апеллятивный фон которых составляют поэтические обозначения правителей и воинов” [Schramm 1957, 23].

Специфика мифопоэтического *nom.pr.* заключается в размытости границ между именем собственным и нарицательным, подвижностью статуса *nom.pr.* Как показали теоретические исследования *nom.pr.* Гардинера [Gardiner 1910] и его последователей в области символической логики и семантической философии, свойство “быть именем собственным” не абсолютно, а относительно. Оно определяется сложным сочетанием лингвистических и экстралингвистических факторов. В зависимости от меры проявления “номинационности” существует градация *nom.pr.*, причем наименьшая мотивированность названия обуславливает наибольшую “номинационность”. *Nom.pr.* может занимать различное место на шкале с полюсами “имя собственное” и “имя нарицательное”, при этом возможны два противоположных явления - десакрализация, демифологизация *nom.pr.* и переход апеллиатива в разряд *nom.pr.*

В целом анализ прагматического и лингвистического статуса имен собственных приводит к заключению о центральном положении *nom.pr.* в мифопоэтической модели мира, их необыкновенной важности с точки зрения судьбы индивида, отражении в ономастике наиболее престижных понятий, о тесном взаимодействии в этой сфере языка и культуры.

Глава II

Общегерманские двучленные имена собственные

1. *Aga(na)-harjaz, *Agi(na)-harjaz, вгот. *Aga-harjaz*, бург. *Agi-harius*, др.-исл. *Agn-arr*, д.-в.-н. *Egin-heri*, ланг. *Ag-hari* 'страха войско (имеющий)'; гот. *agis*, др.-исл. *agi*, др.-англ. *eg(e)sa*, др.-сакс. *egiso*, д.-в.-н. *agiso*, *egiso* 'страх, ужас' & гот. *harjis*, др.-исл. *herr*, др.-англ., др.-фриз. *here*, др.-сакс., д.-в.-н. *heri* 'войско'⁶.

2. *Aga-þegwaz, *Agi-þegwaz, бург. *Aga-thel*, др.-исл. эдд. *Egg-þér*, др.-англ. *Ecg-þeow*, д.-в.-н. *Eggi-deo* 'страха слуга'; гот. *agis* (см. *Aga(na)-harjaz) & гот. *þius* 'мальчик, слуга'; др.-англ. *þeo(w)*, д.-в.-н. *teo* 'несвободный'.

3. *Aiwa-rīkaz, вгот. *Eu-ricus*, др.-исл. *Ei-rīkr*, др.-сакс. *E-ricus*, д.-в.-н. *Eua-rix* 'времени могучий'; гот. *aiws* 'время, вечность', др.-исл. *ævi* 'вечность, жизнь, возраст', д.-в.-н. *ēwa* 'время, вечность, закон', др.-англ. *ǣ(w)*, др.-сакс. *ēo*, *ēu* 'закон' & гот. *reiks* 'правитель'; др.-исл. *rīkr* 'могучий', др.-англ. *rīce*, др.-сакс. *rīki*, д.-в.-н. *rīh(h)i*.

4. *Ala-mōdaz, огот. *Ala-mods*, др.-исл. *Ol-móðr*, д.-в.-н. *Ala-moth* 'все-гнев (имеющий)'; гот. *alls*, др.-исл. *allr*, др.-англ. *eall*, др.-сакс., д.-в.-н. *all* 'весь' & гот. *mōþs* 'гнев', др.-исл. *móðr*, др.-англ., др.-сакс. *mōð*, др.-в.-н. *muot* 'гнев'.

5. *Ala-rīkaz, вгот. *Ala-ricus*, др.-исл. *Al-rekr*, др.-англ. *Æl-rīc*, д.-в.-н. *Ala-rīch* 'все-могучий'; *ala- (см. *Ala-mōdaz) & - *rīkaz (см. *Aiwa-rīkaz).

6. *Ala-war(j)az, вгот. *Al-warus*, др.-исл. *Al-vpr*, *Al-uuar*, д.-в.-н. *Al-oara* 'все-защитающий (-ая)'; *ala- (см. *Ala-mōdaz) & гот. *warjan*, др.-исл. *verja*, др.-англ., др.-сакс. *werian*, д.-в.-н. *wer(r)en* 'защищать'.

7. *Ala-widuz, герул. *Al-with*, др.-исл. *Ol-viðr*, д.-в.-н. *Ala-wit* 'все-дерево'; *ala- (см. *Ala-mōdaz) & др.-исл. *viðr*, др.-англ. *widu*, *wudu*, д.-в.-н. *witu* 'дерево, лес'.

8. *Ala-weiḡaz (*Ala-weigaz), огот. *Ala-vivus*, др.-исл. *Ol-vir*, др.-англ. *Al-wig*, д.-в.-н. *Alo-vic* 'все-сражающийся';

⁶ О сокращениях языков см. [Фасмер 1986, 1, 51-54]; * обозначает общегерманские пом. гр., *) - пом. гр. восточного и западного германских ареалов; † - пом. гр. скандинавского и восточногерманского ареалов.